

— «остальных можешь не исполнять». Отсюда страницы, посвященные друзьямъ, — пронзительной нѣжности. Нельзя, однако, не почувствовать, какъ тонетъ въ этой жалостной стихіи чувство личности. О самой любимой, о «другѣ», Розановъ не умѣетъ сказать почти ничего конкретнаго. Она остается для насъ блѣдной тѣнью Женщины, Русской Женщины, Матери, Христіанки — мы не видимъ ея живого лица. Она и та же безкачественная любовь разливается въ міръ.

Слабо чувствуя личность, Розановъ начисто отрицаетъ царство идей. Идеи доступны ему лишь въ теплыхъ, человѣченыхъ сгусткахъ быта. Переводя съ платоновскаго языка на христіанскій, придется сказать, что въ Библии Розанова нѣтъ мѣста ангеламъ.

Вотъ почему съ такою легкостью совершается въ Розановѣ разложеніе социальнаго сознанія, и притомъ двойнаго: консервативно-церковнаго и радикально-позитивистскаго. Вся изумительная вспышка Розановскаго гения питается горючими газами, выдѣляющимися въ разложеніи старой Россіи. Думая о Розановѣ, невольно вспоминаешь распадъ атома, освобождающій огромное количество энергіи. Отъ «Пониманія» къ «Опавшимъ листьямъ»: не случайно, что вершины своего гения Розановъ достигаетъ въ максимальной разорванности, распадѣ «умнаго» сознанія. Розановъ одновременно и рождается самъ въ смерти старой Россіи и могущественно ускоряетъ ея гибель. Иной разъ кажется, что одного «Уединеннаго» было бы достаточно, чтобы взорвать Россію.

Но если Розановъ, убійца идей, выполнялъ провиденціальную функцію разрушителя Имперіи, то въ немъ же уми-

рающая Россія находитъ своего плакальщика. Плачь о Россіи, предчувствіе ея гибели — одна изъ самыхъ жгучихъ темъ «Опавшихъ листьевъ». Здѣсь Розановъ возвышается до жуткихъ пророчествъ: «Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконецъ, глупа, наконецъ, даже порочна. Именно, когда наша «мать» пьяна, лжетъ, и вся запуталась въ грѣхѣ, мы и не должны отходить отъ нея. Но и это еще не послѣднее: когда она наконецъ умретъ и будетъ являть однѣ кости¹ — тотъ будетъ «русскій», кто будетъ плакать около этого остова, никому не нужнаго, и всѣми плюнутаго. Такъ да будетъ»...

Г. Федотовъ.

Alexandre Koyré. «La philosophie et le problème National en Russie au début du XIXe Siècle». Paris 1929

Исторія русской философской мысли — тема весьма неблагоприятная, если подойти къ ней съ точки зрѣнія европейской философіи. Дѣйствительно оригинальной философской системы никто изъ русскихъ мыслителей не создалъ, да, въ сущности, и не стремился къ этому. Ни славянофилы, ни, даже, Владиміръ Соловьевъ своего философскаго я не утверждали.

Индивидуалистическимъ и взаимноисключающимъ тенденціямъ европейской философіи долженъ быть, прежде всего, противопоставленъ соборно-традиціонный — если можно такъ выразиться — характеръ русской мысли. Философія, по опредѣленію Кирѣевскаго, должна создаваться «не однимъ человекомъ, но вырастать на виду сочувствен-

нымъ содѣйствіемъ общаго единомыслия». Формула эта можетъ быть съ успѣхомъ примѣнена и ко всей русской философской мысли. Наконецъ, въ связи съ изложеніемъ, не меньшее значеніе, чѣмъ узко философскіе труды, для добросовѣстнаго изслѣдователя приобретаютъ и исторіософическія построенія, и художественныя произведенія, и литературная критика.

Все это, вмѣстѣ взятое, въ значительной степени затрудняетъ задачу историка философіи. Исторія русской философіи еще не написана. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленіе такого цѣльнаго и значительнаго труда въ этой области, какимъ является недавно вышедшая на французскомъ языкѣ книга Александра Койре, «Философія и національная проблема въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія».

Трудъ А. Койре обнимаетъ первыя три десятилѣтія прошлаго вѣка — эпоху проникновенія европейской школьной философіи, въ частности, романтической натурфилософіи Шеллинга и его учениковъ, въ русскіе университеты и въ русское передовое общество, проникновенія, сопровождавшагося выработкой того русскаго національнаго сознанія, которое получило болѣе яркое и полное выраженіе уже въ позднѣйшую эпоху — въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ — въ ученіи славянофиловъ и въ ихъ идеологической борьбѣ съ западничествомъ.

Преподаваніе философіи въ русскихъ университетахъ въ началѣ прошлаго столѣтія встрѣтило, какъ извѣстно, весьма серьезное противодѣйствіе со стороны правительственныхъ круговъ, видѣвшихъ въ свободной философской мысли «развратъ и вольнодумство».

Борьба противъ преподаванія философіи особенно обострилась во второй половинѣ царствованія Александра I — въ двадцатыхъ годахъ, когда ректоромъ Казанскаго Университета былъ назначенъ знаменитый Магницкій, кураторомъ Петербургскаго Университета — Руничъ, а министромъ народнаго просвѣщенія состоялъ кн. А. Голицынъ. Правда, тиски, въ которыхъ оказалась свободная философская мысль, чувствовались еще раньше: еще въ 1816-мъ году былъ уволенъ и высланъ изъ Россіи І. Б. Шадъ — нѣмецкій философъ, послѣдователь Фихте и Шеллинга, приглашенный въ Россію въ началѣ царствованія и преподававшій въ Харьковскомъ Университетѣ.

Тѣмъ не менѣе, именно двадцатые годы были отмѣчены увлеченіемъ русскаго передового общества философіей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и кружокъ Раича при московскомъ «Благородномъ Пансіонѣ», и «Архивные юноши» (кружокъ при московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ), и «Общество Любомудрія», среди членовъ которыхъ мы встрѣчаемъ имена кн. Одоевскаго, бр. Веневитиновыхъ, Погодина, Шевырева и молодого Кирѣевскаго.

Одновременно съ изложеніемъ дѣятельности этихъ кружковъ, Койре подробно останавливается на тѣхъ попыткахъ ознакомленія русскаго общества съ романтической метафизикой, которая несмотря на чрезвычайно неблагоприятную обстановку, были произведены съ университетскихъ кафедръ Д. М. Велланскимъ и А. И. Галичемъ въ Петербургѣ, М. Давыдовымъ и М. Павловымъ въ Москвѣ. Подробный разборъ ихъ ученія и попытка разобраться въ степени самостоятельности и въ характерѣ

ихъ философствованія дѣлаютъ обстоя-
тельный и серьезно обоснованный трудъ
А. Койре чрезвычайно цѣннымъ.

И Галичъ, и Давыдовъ, и Павловъ (о
Велланскомъ, этомъ патриархѣ русскихъ
шеллингянцевъ, какъ его называетъ
Койре — не приходится говорить), бы-
ли, въ сущности, лишь проводниками
той философской мысли, которая оказа-
лась столь репрезентативной — поль-
зуемся терминомъ Кейзерлинга — для
тогдашняго русскаго общества. И —
парадоксальный фактъ, отмѣченный А.
Койре, — та самая романтическая ме-
тафизика, которая представлялась вла-
стямъ вольнодумствомъ и развратомъ,
послужила базой для построения рели-
гиозной и націоналистической философіи
славянофиловъ.

Основоположенія этой философіи уже
намѣчены въ журналахъ того времени,
преимущественно въ «Мнемозинѣ» и въ
«Европейцѣ». Одоевскій и Веневитиновъ
въ ихъ, довольно элементарныхъ, съ
философской точки зрѣнія, построени-
яхъ, Погодинъ и Надеждинъ въ ихъ
разсужденіяхъ о судьбахъ Россіи, нако-
нецъ, Кирѣевскій въ двухъ большихъ
статьяхъ — о Пушкинѣ въ «Мнемози-
нѣ» и «XIX вѣкѣ» въ «Европейцѣ» (не-
смотря на несомнѣнно «западническія»
тенденціи, выраженныя имъ въ этой по-
слѣдней статьѣ) — поставили основныя
вѣхи будущаго ученія славянофиловъ.

Гоненія продолжались; «Европеецъ»
былъ запрещенъ. Но идеи, которыя про-
повѣдывали и любомудры московскіихъ
кружковъ и профессора шеллингянцы,
проникли глубоко въ русское сознаніе.
И Койре кончаетъ свой трудъ разбо-
ромъ программы Уварова, назначеннаго
товарищемъ статсъ-секретаря по народ-
ному просвѣщенію и впервые употре-

бившаго въ циркулярѣ о своемъ назна-
ченіи знаменитую формулу «самодержа-
віе, православіе и народность».

Книга А. Койре представляется намъ
крупнымъ вкладомъ въ исторію рус-
ской мысли. Весьма обстоятельный ана-
лизъ всѣхъ наиболѣе выдающихся яв-
леній изучаемой имъ эпохи, множество
выдержекъ и богатѣйшая библиографія
дѣлаютъ его трудъ необходимымъ по-
собіемъ для всякаго, желающаго изу-
чать теченіе русской мысли въ началѣ
XIX столѣтія. Мы можемъ, въ заключе-
ніе, лишь выразить пожеланіе, чтобы
книга Койре появилась и на русскомъ
языкѣ.

Гр. П. Бобринской.

*К. Г. Юнгъ. «Психологическіе Ти-
пы»; ав. пер. подъ ред. Э. Метнера,
изд-во «Мусагетъ», скл. изд. «Петро-
полисъ», 1928.*

Психологія — наука о душѣ — по
самой своей природѣ занимаетъ сере-
дннее мѣсто въ ряду наукъ. Основ-
ныя ея проблемы естественно дораста-
ютъ до обще-культурныхъ. По этому
одному къ нимъ приходится относить-
ся съ удвоеннымъ вниманіемъ.

Ученіе Юнга о психологическихъ ти-
пахъ является именно однимъ изъ та-
кихъ событій, и отзвукъ его будетъ
слышенъ (да и уже слышится) далеко
за предѣлами психологіи.

Идея парныхъ противоположностей,
лежащая въ основѣ этого ученія, много
древнѣе, чѣмъ это можетъ показаться
поверхностному наблюдателю. Отъ ге-
раклитова: «Все возникаетъ изъ борь-
бы, отъ его энантидроміи (бѣгъ про-
тивоположностей) до «Рожденія Траге-
діи» Ницше, — разные люди въ разные